

**Мы из прошлого... И из
будущего**

А. САМСОНОВ

Анатолий Самсонов

Мы из прошлого... И из будущего

«Автор»

2023

Самсонов А. Б.

Мы из прошлого... И из будущего / А. Б. Самсонов — «Автор»,
2023

1943 год. Советским летчикам удастся сбить новейший немецкий реактивный истребитель. Группа специального назначения получает приказ найти сбитый самолет и заготовить образцы материала, из которого выполнен его двигатель. Уходя от преследования в тылу врага, группа попадает в древний сундук с лазом, который спасает от преследования, но выводит их прямо в приключения будущей войны. Вернуться из будущего и выполнить задание можно только с боем.

© Самсонов А. Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава I. Из огня да в полымя.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анатолий Самсонов

Мы из прошлого... И из будущего

Глава I. Из огня да в полымя.

Трое молодых ребят внимательно изучали карту, расстеленную на грубом дощатом столе. Двое парней были в обычной десантной форме Красной Армии, а третий в немецкой форме десантника ваффен – СС с проглядывающими под комбезом на черных петлицах офицерским кубиками.

Полковник с интересом наблюдал за парнями и думал: «Молодые ребята, а за спиной уже и Халхин – Гол, и польский освободительный поход, и финская война».

Всех их: и командира группы Пряникова Алексея, и Марата Аспина, оба они родом из Казахстана, и Генриха Шольца, он родом из Поволжья, в состав СГОН (специальной группы особого назначения) включил сам дядя Макс, он же Яков Серебрянский, и потом сам же занимался их подготовкой.

Снаружи послышался окрик часового, быстрый ответ, и в блиндаж вбежал запыхавшийся офицер.

Сидящий в торце стола полковник, предваряя уставное приветствие, махнул ему рукой и приказал:

– Капитан, доложите обстановку.

Капитан – командир разведроты полка – покосился на немецкую форму, подошел, ткнул карандашом в карту и пояснил:

– Мы находимся в этой точке, считайте – на передовой. Сплошной линии фронта здесь нет. Вот здесь находятся немецкие опорные пункты. Как видите, местность здесь в основном открытая, всё пространство простреливается из опорных пунктов. Балки и овраги, их здесь великое множество, заминированы.

Мы с моими ребятами всё здесь облазили и считаем, что лучшее место для перехода линии фронта здесь. Вот, видите, – капитан провел карандашом линию, – это овраг. Эта часть на нашей стороне, а эта – у немцев. С нашей стороны на подходах к нему мины мы сняли. Овраг довольно глубокий, широкий и извилистый, его протяженность примерно полтора километра. Южный – пологий склон оврага с редким кустарником и дно оврага немцы заминировали. На северном склоне, он более крутой и покрыт густым кустарником, мин нет. Мы проверили. Двигаться по склону можно только ползком. Это тяжело, но есть и плюс: кроны кустов смыкаются так, что сверху, с борта оврага, рассмотреть лежащего человека невозможно. Это мы тоже проверили.

Вот здесь, это уже немецкий тыл, овраг заходит в широкую лесополосу, протяженностью десять километров с востока на запад. Это, считайте, уже глубокий тыл. А вот речушка Сельга примерно в километре севернее леса и как бы вдоль его границы. Видите, здесь много сел и хуторов, там полно полицаев, имейте в виду. У меня всё, – закончил капитан и положил карандаш на карту.

– Вопросы есть? – спросил полковник, обращаясь к тройке, – ну, раз вопросов нет, капитан, спасибо, вы свободны.

Капитан также быстро, как заскочил в блиндаж, также быстро и выскочил из него.

А вот на лицах, обращенных теперь на полковника, вопросы были. Полковник чуть улыбнулся и начал:

– Вот здесь в двадцати километрах от Харькова, – полковник показал карандашом на карте, – узловая железнодорожная станция. Немцы, укрепляя оборону Харькова, перебрасы-

вают сюда с севера и северо-запада живую силу и технику. Наша авиация по возможности препятствует этому, но в последнее время ситуация в воздухе изменилась не в нашу пользу. Из радиоперехвата стало известно, что немцы подогнали сюда и проводят испытания в боевых условиях двух новых машин. И придумали для них хитрую тактику. Наши бомбардировщики и истребители сопровождения на подходе к цели подвергаются атакам немецких истребителей. Бои в воздухе идут очень тяжелые. При возвращении наших самолетов на базу их легко догоняет эта пара новых машин и, пользуясь тем, что наши соколы возвращаются с израсходованным боекомплектом, просто как в тире расстреливают наши бомбардировщики. За три дня мы потеряли четырнадцать машин. Летчики говорят, что эти немцы догоняют их так, как – будто наши самолеты висят на месте. Вот что происходит! Это беда! Но не беспросветная! Один из этих самолетов нашим орлам вчера удалось всё же сбить и засечь место падения. Вот оно! – полковник карандашом поставил на карте точку, – как видите, это прямо на границе Салтовского болота. Оно с юга примыкает к городу. Это означает, посмотрите на карту, что к месту падения самолета можно подойти только с юга.

Точные координаты места падения самолета указаны. Вот они.

Полковник достал из полевой сумки несколько фотографий и эскиз, разложил их на карте и пояснил: – Вот так выглядят эти самолеты, взгляните!

– Они без винтов? – удивленно спросил капитан Пряников.

– Да, без винтов! На них установлены реактивные двигатели, они и дают такую тягу и скорость. Вот эскиз двигателя.

– А у нас есть такие? – спросил Аспин.

– Нет, пока нет! Вот именно поэтому вы должны найти упавший самолет и добыть образцы металлов, из которых изготовлены крыльчатка турбины и сопло. Вот они на эскизе.

Почва там мягкая, так что, скорее всего, самолет по хвост ушел в землю. Вам придется откопать его, взорвать какой-либо из двигателей и собрать образцы. В весовом отношении достаточно по 100 – 200 граммов. Зачем нужны образцы, я думаю, объяснять не надо.

Для вас приготовлены шесть мин: три с часовым механизмом, три нажимного действия.

После выполнения задания возвращаетесь назад тем же маршрутом. По данным разведки в течение ближайших дней немцы на данном направлении активных боевых действий не планируют.

Полковник встал, посмотрел на часы и бросил:

– Пора!

Ребята вышли из-за стола, разобрали, надели и зафиксировали на спине свои вещмешки, а Шольц – немецкий ранец, проверили подсумки, крепление саперных лопаток и оружие. Полковник внимательно осмотрел стоящих перед ним троих молодых парней и спросил: – Готовы?

– Так точно! – за всех ответил командир группы капитан Пряников. Полковник пожал всем руки, и ребята покинули блиндаж. Оставшись в блиндаже один, полковник вслед перекрестил ребят, чуть шевеля губами сотворил ему одному известную молитву, убрал фотографии и эскиз в планшет и вышел наружу. Тотчас к нему подошел капитан, оба офицера молча проводили взглядами удаляющуюся еле видимую в лунной подсветке группу, и оба одновременно подумали: «А вот полнолуние ребятам совсем ни к чему!»

Идущий впереди группы в пружинистом полуприседе Пряников повернул назад голову и тихо приказал:

– Дальше по-пластунски! За мной! – Командир перехватил автомат за ремень, приземлился и пополз. Мягкий покров опавших листьев пах прелостью и грибами.

«Что твой змей» – подумал о себе Алексей, огибая ползком очередной куст. Дальше мысли побежали в арифметическом направлении: «Если мы проползаем около метра в секунду, а ползти примерно километр, то, значит, змеится мы будем... мы будем, грубо говоря, три с половиной часа. Пожалуй, успеем добраться до лесополосы затемно. Хорошо бы! А еще

нам, похоже, чертовски повезло, что на склоне нет скальных, каменистых выходов. Они бы нас точно превратили в чертей в лохмотьях со сбитыми локтями и коленками!»

Грибной и запах прелых листьев ни к черту и не к месту вызвал детские воспоминания, когда после теплых летних дождей они с пацанами наперегонки кто больше собирали в алма – атинском Сосновом парке под кустами грибы с таким же, как здесь, запахом. Грибов было много, их срывали и складывали в заправленные в трусы майки, и потом веселые, пузатые и чумазые бежали по домам, чтобы бабушки или мамы пожарили грибы. Вкуснятина была м... м!... пальчики оближешь! Алексей непроизвольно сглотнул.

Очередная осветительная ракета взлетела вверх, бросив на лиственный ковер редкие, пробившиеся через кроны кустов, желтые блики.

«Совсем рядом! Значит, мы где-то на линии фронта! Надо отсюда уматывать быстрее!» – командир наддал вперед.

Стало саднить локти и колени. Алексей остановился, подождал Марата и шёпотом объявил:

– Привал две минуты. Ты в порядке? Хорошо! Спроси, как там фашист? – В порядке эсэсман, в порядке, – ответил Аспин.

Наконец, кусты стали редеть и в просветах крон на фоне бледнеющих звезд стали угадываться деревья и легкий шелест листвы. Командир прополз еще метров двадцать, взял автомат наизготовку, медленно встал, по-кошачьи бесшумно метнулся и припал к ближайшему дереву и осмотрелся. Всё было спокойно. Алексей негромко свистнул условным свистом и тут же из темноты кустов выросли фигуры ребят. Командир посмотрел на ручной компас со светящимися стрелками, показал рукой направление движения и двинулся вперед. Было на удивление тихо и спокойно, но двигаться приходилось в темноте медленно и осторожно, буквально наощупь.

И всё же идти на своих двоих после долгого ползания было просто удовольствие. Кто не верит – может проверить, это просто.

Звезды в небе растаяли в предрассветной серой дымке. Светало.

Далеко впереди мелькнула неясная тень и тут же пропала среди деревьев. Командир остановился, поднял руку и тут же опустил ее, показывая направление:

– Там кто-то есть! Вроде один! Он видел нас! Марат, ты слева, Гена, ты справа, я – прямо! Вперед! – Все рванули по своим направлениям с оружием наизготовку. Через некоторое время послышался свист. Звук шел с того направления, куда побежал Аспин. Алексей и Генрих развернулись, бегом направились на свист и вскоре увидели испуганного дедка с клюкой в руках и успокаивающего его Аспина. Дедок, увидев подбегающих и одного из них в немецкой форме и со шмайсером в руках и вовсе проглотил язык и только хлопал глазами. Шольц подошел к нему, положил руку деду на плечо и спокойно спросил: – Дед, в селе немцы или полицаи есть?

Дед вспомнил, что у него есть язык и с трудом пролепетал:

– Не, немає.

– А что ты здесь делаешь в такую рань?

Кадык на морщинистой шее дедка несколько раз дернулся, предвещая начало речи, но его опередил Аспин:

– Я уже спрашивал. Он сказал, что его корова вчера с выпаса не вернулась, вот он спозаранку ее и ищет.

– Пусть ищет! Иди дед, иди, – командир махнул рукой, и дед, опираясь на клюку и поминутно оглядываясь, отступил к кустам, схватил клюку наперевес и чесанул бегом так, что в момент пропал из виду.

Все переглянулись, а Марат удивленно произнес:

– А дедок-то резвый!

– Не то слово! – тоже удивился командир и спросил:

– Ну, передохнули? Вперед! – все двинулись дальше.

В головах всех по ходу крутилась одна мысль: «Тишина –то какая! Словно и нет никакой войны».

Долго шли след в след не сбавляя темпа.

Командир слышал за спиной шумное дыхание и чувствовал растущую тяжесть в собственных ногах. «Всё! Заберемся на этот пригорок и привал» – решил Алексей. Невысокий земляной вал перед пригорком преградил путь. Пока Алексей принаравливался, чтобы запрыгнуть на вал, Аспин и Шольц подошли к нему вплотную. Алексей собрался, было, запрыгнуть на земляной вал, оттолкнулся, но раздался сухой треск, земля вдруг ушла из-под ног, и он почувствовал, что летит вниз. В падении Алексей успел инстинктивно сгруппироваться, приземлился на ноги, но коряво, и потому завалился назад и больно ударился поясницей о земляную стенку, да так, что перехватило дыхание. Тут же получил сильный удар в плечо и увидел, как рядом с ним на карачки приземлился Марат и на обоих посыпались какие-то обломки и труха. Сверху послышался приглушенный и натужный мат Шольца. Когда пыль осела Алексей увидел висящего Шольца, который держась руками за перекладину, перекрывающую яму, подтягивался и одновременно пытался закинуть ногу на край ямы. Командир перепрыгнул через Марата и со словами «Гена, держись, я сейчас!» бросился к висельнику, чтобы помочь, но не успел. Доска треснула, и Генрих присоединился к товарищам и, слава богу, без травм. Оба тут же подскочили к Марату, который в полусогнутом состоянии одной рукой держался за бок, а другой пытался вытащить из-под обломков оброненный автомат.

– Ты как?

– Да нормально, нормально! Сейчас пройдет, ударился боком вот об это, – Марат пнул обрубок бревна.

Друзья стали осматриваться, и командир присвистнул:

– Спикировали мы сюда лихо, что твой антрэ с фуйтэ! Черт побери, кто же сотворил такое?

Яма была шириной метра два, длиной метра четыре и столько же глубиной.

– Командир, мне на плечи! – Шольц чуть присел у стенки, соорудив из ладоней ступеньку. Алексей сбросил с плеч вещмешок, отстегнул саперную лопатку и в момент запрыгнул ему на плечи.

– Командир, на счет три – прыжок! Раз, два, три!

Алексей подпрыгнул, схватился руками за край ямы, но тут же рухнул вниз с кусками дерна в руках. После нескольких безуспешных попыток стало ясно – это не путь, это не поможет.

– Так, за дело! Разбираем завал и попробуем собрать лестницу, – распорядился командир.

– Не-ет, из этого лестницу не собрать, все труха, – заявил Шольц, – даже толстые обломки бревен в руках рассыпаются!

– Гена, а где та доска или бревно, на котором ты висел? А, черт! Вот оно! Доломали его тут пока топтались как слепые котята, – расстроился командир.

– Сколько же лет этот схрон простоял! Со времен батьки Махно? – озадачился Марат.

– Нет, – отверг это предположение Алексей, растирая пальцами древесную труху, – здесь пахнет столетиями: временами Мазепы, а то и Богдана Хмельницкого!

Так, отсюда уберем обломки и попробуем выбрать из стены грунт и вставить пеньки начиная с уровня головы и выше.

– Оп-паньки – попаньки! – воскликнул Марат, здесь сундук какой-то или ящик!

Марат саперной лопаткой очистил от густого мха поверхность, и все увидели внизу в стене потемневшие от времени, но еще крепкие, хорошо подогнанные доски, проржавевшие петли и засовы. – Что за чертовщина? На боку лежит что ли? – Марат, двумя короткими ударами приклада автомата выбил засовы и поднял крышку так, что теперь она козырьком нави-

сала над проёмом. Все согнулись, чтобы посмотреть: а что там внутри? А внутри была черная пустота.

– Это лаз! Да, это не сундук, это лаз! Гена, фонарь! – попросил командир и, получив его, осветил в проем. В полутора метрах от стены луч света высветил два черепа и груды полуприкрытых лохмотьями костей.

– Вот это антрэ с фуйтэ! – воскликнул Пряников, – плохо, очень плохо!

– Что плохо, что? – шёпотом спросил Аспин.

– А то, что эти двое не только не смогли открыть крышку этого ящика оттуда – из лаза, но и не смогли уйти туда, откуда пришли! Вот и оставили черепушки свои, понимаете? В те времена кто-то отправил этих двоих в лаз, а потом позаботился, чтобы они навсегда остались в нём. Ладно! Некогда рассуждать, за работу! – Командир отошел от лаза, показал всем где выбирать землю для ниш, ребята успели раза два-три ковырнуть стену, как услышали далекий собачий лай. Все застыли и переглянулись. Собачий лай медленно приближался. Аспин скривился:

– С-сука мерзкая! Немае, немае! Дед поганый! Назад пойдем – кишки выпущу!

– Марат, за мной! Гена, замыкаешь и поставь растяжку, – с этими словами командир с фонариком в руке нырнул в лаз. Сразу за предполагаемым дном ящика лаз расширился настолько, что можно было при необходимости развернуться для движения назад. Подсвечивая фонариком Алексей саперной лопаткой, освобождая себе путь, откинул вправо и влево от себя черепа и кости. Что-то матово блеснуло в костях и звякнула лопатка. Ага! Нож! Какой-то странной формы нож – кривой. Некогда рассматривать. Засунув его за голенище сапога, Алексей быстро полз вперед, рассуждая про себя: «Голод или удушье? Что доконало владельца этого ножа и его несчастного спутника? Если предки не позаботились о вытяжке, то и нам крышка!» Вспомнились уроки дяди Макса в Аджимушкайских каменоломнях в Крыму. Называлась эта поездка в Крым перед самым началом войны кратковременным отдыхом СГОН №2, (СГОН – спецгруппа особого назначения), однако пляж и море во время этого отдыха они видели только рано утром и на заходе солнца. Все дни разбитая парами группа тренировалась в подземном ориентировании и училась искать выходы наружу по малейшим колебаниям воздуха в полной темноте.

«Под землей и под водой, человек особенно подвержен паническим атакам. Не поддаваться им – это шанс выжить даже в самых сложных условиях» – так говорил дядя Макс.

Сзади послышался глухой звук взрыва.

«Сработала растяжка! Галерея наверняка обрушилась! Всё! Назад нам хода нет! – проскочило в голове, – только вперед!»

Командир почувствовал, что лаз пошел под уклон и одновременно с этим почувдились какие-то звуки.

– Стоп! – приказал командир, – слушайте!

– Я слышал свист, он появился с нарастанием, а потом пропал – воскликнул Марат.

– И я слышал, – сзади подтвердил Генрих.

– Фу, черт! Я уж подумал глюки, – выдохнул командир и еще энергичнее пополз вперед и скоро луч света уперся впереди в деревянную стенку.

– Стоп! – командир остановил ребят, – вы на месте, дальше я один, – и пополз. Скоро ребята услышали голос командира: – Ага! Здесь доски подгнили, сейчас попробую выбить люк. Алексей развернулся, перевернулся на спину, подтянул колени к животу и ногами резко ударил по доскам. Раздался треск и в подземелье ворвался дневной свет. Еще несколькими ударами Алексей повыбивал все доски так, что теперь можно было вылезть наружу. Командир подтянул к себе и проверил автомат, осторожно высунул голову и осмотрелся. Лаз привел их в довольно глубокий лесной овраг с крутыми склонами. До дна оврага было метра полтора.

«В снежные зимы вероятно овраг заносило полностью и потом при таянии снега вода всё же попадала на дерево, вот оно и подгнило, – подумал Алексей, подался из лаза и вывалился в овраг. За ним последовали Марат и Генрих. Пока ребята отряхивались и приводили себя в порядок, командир выбрался на борт оврага, осмотрелся и достал карту. «Так. Мы примерно в трех километрах от ближайшего хутора, он как раз на нашем пути, от лесополосы до хутора с полкилометра открытого пространства, подойдем поближе и посмотрим. Та-ак, время! Три тридцать? Не может быть! А, черт, часы не идут!»

Марат и Гена тоже выбрались из оврага и теперь стояли рядом и с ожиданием смотрели на командира.

– Гена, глянь сколько на твоих фашистских, а то мои остановились?

– Мои тоже стоят, – тряся рукой с часами ответил Шольц.

Командир глянул на часы Шольца и с удивление произнес: – Надо же! Часы остановились в одно и то же время, секунда в секунду!

Все переглянулись, мол, что за хрень?

Командир вспомнил о находке, подтянул штанину униформы и достал из-за голенища сапога найденный нож, покрутил его в руках и пояснил: – Я его в скелетных костях нашел. Хм, интересная форма! Лезвие кривое и что-то на нем... – и не договорил, потому что в этот момент вдалеке послышался слабый, но быстро нарастающий звук и когда два стремительных силуэта прочеркнули кроны деревьев, едва не задев их, на ребят обрушился такой мощный рев, что все непроизвольно втянули головы в плечи.

– Что это? – одновременно вскрикнули Аспин и Шольц.

– Вот это антрэ с фуйтэ! У этих штук на крыльях я увидел звезды, да-да, – красные звезды! – утвердительно рубанул воздух рукой командир.

– И я видел, и я, – подтвердили парни.

– Ладно! В трех километрах от нас хутор. Дедок – то оттуда видать. Овраг ведет как раз в ту сторону! Надо идти! Вперед! – скомандовал командир и со словами «потом рассмотрим» засунул кривой нож опять за голенище сапога.

Овраг скоро перетек в широкую балку с белыми меловыми откосами и глубокими выемками – следами добычи мела. За меловым выходом балка полностью заросла густым кустарником. Лес начал редеть и скоро ребята увидели усадьбу в два дома окруженную большим садом. За домами и садами просматривалась синяя полоска Сельги. Из-за реки доносились выстрелы и в небо поднимались густые клубы дыма.

Всё пространство от лесной кромки до усадьбы было занято пашней с колосющейся рясной пшеницей.

Алексей поднес к глазам бинокль:

– Ничего себе хутор – хуторок! Антрэ с фуйтэ! Дома-то какие, а? Гляньте!

– Да итак видно! Охренеть! Трехэтажный кирпичный дом! А крыша как блестит! Я таких и не видел! Хорош хуторок! – изумился Шольц.

– Неудобно в такой дом не зайти! Ну, что, пластуны? Навыки не утратили? За мной! – усмехнулся командир, приземлился и через пыльный сельский проселок, пролегающий вдоль кромки леса и отделяющий его от пашни, пополз к полю.

Августовское солнце немилосердно жучило в спины извивающихся ящерицами ползущих друг за другом пластунов. Жарко было неимоверно! Обмундирование было хоть отжимай, пот ручьями лил со лба, заливая глаза. Всех мучила жажда, а фляжки давно уж были пусты.

На подходе, вернее на последнем пластунском рывке, наткнулись на невидимый издали сетчатый металлический забор из тонкой проволоки.

– И забор странный, никогда не видел таких, – прошептал командир и, обращаясь к Марату, – кусачки. – Несколько щелчков, и наконец-то ребята попали в вожделенную садовую тень. Отсюда были видны входы и в большой, и в малый дома. Перед входом в большой дом

мальчишка лет десяти поливал из леек цветы на большой красивой клумбе. Вода в лейках закончилась, и мальчик направился с ними к малому дому на задах особняка.

– За водой пошел, верно. Марат, обойдешь большой дом с тыла, там перехватишь и приведешь сюда пацана! Постарайся без шума.

Вот мальчик с наполненными водой лейками вышел из дома, сделал несколько шагов и тут из-за угла появился Аспин и что-то стал ему говорить. От неожиданности мальчонка присел, поставил лейки на землю и хотел, было, рвануть назад, но предвидевший такое развитие событий Марат подскочил к нему как кот к мышке, подхватил его на руки, зажал ладонью рот и припустил к своим. Пленник как мог пытался вырваться, но силы были не равны. Подбежав, запыхавшийся Марат, продолжая зажимать рот пленника, поставил его на землю перед командиром.

– Тс-с! – приложил палец к губам Алексей, – не кричи, отрок, и не крутись! Плохого мы тебе не сделаем. Не будешь орать? – Мальчик пришел в себя, и все услышали глухое «угу». – Командир кивнул головой, и Марат убрал руку с детского лица.

– Смотри на меня! Я тебя буду спрашивать, а ты отвечай, понял? Хорошо! Кто сейчас есть в этих домах?

– Т-только я и бабуля, – запинаясь ответил малец.

– Зовут-то тебя как? И где хозяйева?

– Мыкита я. А хозяйева утекли! От русни в Харьков утекли!

– От кого утекли? – не понял Алексей.

– От кого, от кого? От русских! Только хозяйева уехали так они – русня – и объявились.

А вчера русня через брод ушла вон туда – в Сташевку, – мальчик рукой показал в сторону, откуда раздавались выстрелы и поднимались клубы дыма.

– Хозяйева немцы что ли? – спросил командир.

– Не-а, украинцы!

– А где немцы? – не отставал командир.

И тут мальчишка вперился взглядом в Шольца и выкинул коленце: выкинул руку в нацистском приветствии и прокричал: – Хайль! Слава Украине! Героям слава! Дай посмотреть! – и протянул руку к шмайсеру.

Ребята переглянулись: пацан-то, похоже, с приветом!

– Ладно, веди нас к бабульке, – сказал Алексей и, проходя мимо большого дома, приказал: – Марат, осмотри дом!

Бабульку увидели еще на подходе. Она смотрела на гостей в открытое окно круглыми от изумления глазами, держала какой-то предмет около уха и шевелила губами.

Командир с порога поздоровался: – Здоровеньки булы, мамаша! – и заметил, как женщина быстрым движением руки спрятала что-то в кармане передника. Алексей насторожился: – Что у вас там?

– Та теле – телехвон, – еле выдавила из себя женщина.

– Какой телефон? Дайте! – командир протянул руку.

– Та простой у меня, не айфон. Та на, – женщина отдала телефон и осталась стоять с открытым ртом и только тарасилась то на одного, то на другого и, особенно, на третьего – со шмайсером.

– Что она сказала? – переспросил у мальчонки командир, крутя в руках плоский, небольшой прямоугольный предмет.

В этот момент в помещение вошел Марат и с порога сообщил, что дом пуст и что там много непонятной хрени...

– Так что она сказала? – перебил его вопросом командир.

– Она сказала, что у нее дешевый гаджет, – бодро пояснил парнишка и похвастался, – у меня-то получше есть.

– Покажи, – попросил командир.

Малец подскочил к полке и достал подобный предмет: – Вот! Это мой!

– Мыкита, иди сюда, – позвал его Алексей и вкрадчиво спросил: – И ты можешь со своего га... гад... тьфу ты! – позвонить на этот? – и потряс рукой с бабушкиным прибором.

– Смотри, – малец коснулся экрана на своем телефоне, и он засветился, – вот, видишь высветилось – «бабо». Всё, звоню! Раздался сигнал, и Алексей от неожиданности чуть не выронил телефон. На экране светилось – внук Мыкита.

– Ага, ага! А можно узнать кому звонили с этого телефона? – командир сунул мальчишке бабкин телефон, тот нажал что-то где-то и на экране высветилось – «Федюня» и появилось изображение молодого мужчины.

– А кто это – Федюня? Это он изображен? – безразличным тоном спросил Пряников.

– Это мой тато, – подбоченился пацан, – сейчас он приедет и тебе, и тебе бошки поотрывает, а тебе ничего не сделает, – Мыкита глазами стрельнул в Шольца и продолжил, – потому что у него, у моего тато, на рукаве такой же орел как у тебя на кепоне!

– А нам –то за что оторвет головы? Он полицай что ли? – быстро спросил Марат.

– Сам ты полицай! Он командир в батальоне «Смерть кацапам»! А головы он вам оторвет, точно оторвет! За то, что вы и есть кацапы, да еще кацапскую форму носите! Тато сейчас в Горловке, а вот швыдко соберет он своих хлопцев, да сядет на свой пикап с базукой, да прилетит сюда и точно вам пиндец придет, – раздухарился малый.

– Пикап с базукой? – спросил Генрих.

– Да! Пикап с базукой! Машина с гранатометом и пулеметом! Непонятно что ли?

– Вода! Где у вас вода? – спросил командир.

– Мальчишка подошел к раковине и открыл кран.

Ребята напились прямо из-под крана и наполнили фляжки.

– Горловка, Горловка... – Алексей стал, было, доставать карту, но Аспин махнул ему рукой и быстро сказал: – Я помню – это семь – восемь километров отсюда.

Командир положил гаджет на стол, скомандовал: – За мной! – и выскочил из дома, ребята бросились за ним. Бегом покинули территорию усадьбы и понеслись к реке.

– А вы поняли, мужики, что мы попали в будущее, правда, похоже, не очень светлое? – на бегу спросил командир.

– Да поняли, поняли! – хором ответили ребята, а Марат уточнил: – Там в кухне календарь над столом висел и дата отмечена – 7 августа 2022 года. Значит, мы попали в тот же день и час только на семьдесят девять лет вперед! И почему именно семьдесят девять? А?

Никто, конечно, не ответил.

Послышался характерный звук, все повернули головы и увидели пару краснозвездных машин, на небольшой высоте с ревом пролетевших на запад. Ребята проводили их взглядом, а Марат усмехнулся и сказал: – Похоже наше задание почти восемьдесят лет назад кто-то успешно выполнил за нас.

– Как знать? – усомнился командир, – может и летают сейчас наши так борзо, потому что восемьдесят лет назад мы задание выполнили. Мы выполнили!

Так! А вот и переправа! Надо же? Да здесь прямо проспект!

К броду подходила накатанная колея. На другой стороне колея выходила из воды и прямой линией пересекала зеленый, ниспадающий к воде луг. Метрах в трехстах от воды на траве, изуродованной воронками, громоздились две разбитые и сгоревшие грузовые машины, танк с башней, валяющейся рядом, и еще какая-то непонятная бронированная машина.

– А наши мины нам всё же пригодятся! Черт, мы здесь в мертвой зоне! Колею заминировать! Две мины! Нажимных! Я наверх! Если что – свистну! – сказал командир и, поднимая фонтаны брызг, побежал по воде, а потом по колее к разбитой технике. Пробежав метров пятьдесят остановился, оглянулся и махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

Закончив минирование, ребята подбежали к командиру, а он бросил: – Не останавливаться! Мы здесь как на ладони, отдохнем там, за броней, – и рванул дальше. За разбитой техникой остановились.

– Ты думаешь, командир, Мыikitкин тато появится? – спросил Марат.

– Не знаю! Подождем здесь. Если догонят на открытой местности – нам как!

– А что это за техника? – Шольц обошел вокруг бронированную машину, – танк не танк, не поймешь! Траки и катки разбиты, а так вроде целая! – Генрих запрыгнул на борт, свесился в открытый люк, внимательно всё осмотрел и запрыгнул внутрь. – О! Жарковато здесь! Ух ты! Да здесь всё работает: и поворотники, и наведение, и даже пушка заряжена. Пушка-то – автомат! – Шольц хотел уж, было, выбраться из броневой парилки, но его остановил командир: – Гена, оставайся на месте! Похоже, едут по наши души!

Генрих прильнул к прицелу пушки и увидел вдалеке по просёлочной дороге вдоль леса пылят друг за другом три машины.

– Вижу три машины! – крикнул Шольц.

– Я тоже вижу! – ответил командир и присвистнул, – а в каждой машине три человека, их мать!

Машины свернули к реке и понеслись к переправе. Пулемет на передней машине дал короткую очередь. Отраженные броней пули с визгом срикошетировали в разные стороны.

– Гена! По второй и третьей машине – огонь!

Басистый лай двух коротких очередей увенчался мощным взрывом двух мин. Передние колеса подорвавшегося пикапа, куски железа и разорванных тел полетели в разные стороны. Вторая машина передним бампером уперлась в то, что осталось от головной машины. Третья заехала в речушку и застряла там, омываемая ленивым течением воды. Кто-то живой барахтался в воде, издавая дикие крики и мат, пытался выбраться на сушу. Ребята подхватились и с оружием наизготовку бегом пустились к броду. Барахтающегося в воде мужчину выволокли под мышки на сушу и осмотрели. Его правое плечо и правое бедро были в крови. Аспин немилосердно врезал орущему ладонью по уху и тем прервал крик, выдернул из его брюк ремень и ловко наложил жгут на бедре выше раны. Генрих достал из ранца и вскрыл санпакет, расстегнул камуфляж с намерением перевязать плечевую рану и обомлел. На груди раненого распластался германский орел со свастикой и изображениями Гитлера и еще какого-то мужика со скошенным назад лбом. Шольц встал, бросил санпакет на разукрашенную татуировкой грудь, плюнул туда же и передернул затвор шмайсера.

Отставить! – услышав лязг затвора крикнул командир.

– Повезло тебе, тато! – с ненавистью просипел Шольц, зыркнул на командира и спросил: – Теперь ты понял, что в голове у мальчишки и откуда?

Глаза раненого закатились, он потерял сознание.

– И допросить не сможем! Болевой шок, – Марат осмотрел плечевую рану и зло обронил, – обе раны сквозные, кости и крупные сосуды не задеты, выживет, с-сука, и с сомнением посмотрел на Алексея!

– Собрать патроны и гранаты, – не обращая внимания на взгляды, приказал командир. На плече у него висели подобранные трофеи – три автомата невиданного образца. От своего ППШ командир отсоединил диск и со словами «прощай, оружие» хотел, было, бросить его в воду, но передумал и крикнул: – Марат! Там в кузове брезентовый чехол для пулемета, скинь его мне. Твой ППШ с дисками и шмайсер с магазинами тоже отдайте мне, а это – вам, – командир раздал трофейные автоматы. На песчаном берегу завернул ППШ, шмайсер, диски и магазины в брезент, бегом отнес к кустам, спрятал и прикопал.

– Это другое дело! А то в воду! Шмайсер! Кровью добытый! Дядя Макс увидел бы, так выписал бы по самое не могу! Ферфлюхтен, доннерветтер! – бубнил себе под нос Гена, собирая магазины и гранаты.

Через невысокий борт второй машины с руками, опущенными к земле, свисал труп. В кузове у него в ногах, как будто удерживая зависшего, лежал второй.

– Смотрите, у них у всех такие, – обратился Шольц и стволом автомата ткнул в предплечье протянутой к земле мертвой руки. Там на камуфляже ниже желто – голубого шеврона красовался еще один – череп со скрещенными костями. Гена пояснил: – Это эмблема СС – панцердивизион «Тотенкопф» – танковой дивизии СС «Мертвая голова»! Командир, куда мы попали, а?

– Куда, куда? В светлое будущее! К тотенкопфам! Антрэ с фуйтэ, мать их!

Собранные гранаты рассовали по вещмешкам.

– Проверить оружие, – Алексей поднял вверх ствол своего автомата. Три одиночных выстрела прогремели почти одновременно.

– За мной! – скомандовал командир и рысцой побежал в сторону разбитой техники.

Около выручившей их бронемашины остановились перевести дух.

– Спасительница наша! – Гена похлопал ладонью по стволу пушки.

Командир, восстановив дыхание, поставил задачу: – Надо добраться по возможности скрытно до этой чертовой Сташевки и коль того не удалось допросить, – кивнул головой в сторону брода, – надо взять языка! Языка из этого времени, чтобы понять: что же здесь происходит! Вперед!

Тем временем стрельба со стороны Сташевки прекратилась. Ребята на ходу переглянулись – навоевались что ли?

Подъем, наконец, закончился, и все увидели перед собой картину, которая в другой ситуации могла бы восхитить и настроить на философско-созерцательный лад: небольшое, утопающее в садах село огибала синяя лента реки. С места, где стояли ребята, начиналось золотое пшеничное поле. Примерно в полутора километрах отсюда словно проведенная по линейке граница пшеничного поля, с аллеиной разделительной лесополосой упиралась в сады поселка, состоящего из двух десятков домов по обе стороны короткой улочки.

За разделительной полосой сколько мог охватить глаз простиралось сочная, зеленая поляна. Золотое пшеничное поле и зеленая поляна в сочетании с четкой границей, садами и синевой извилистой речки давали ощущение величия, покоя и порядка, если бы не поднимающиеся к чистому небу клубы черного дыма.

Здесь, на точке обзора, накатанная колея раздваивалась. Правая ветка уходила в сторону реки и далее вдоль берега к селу. Левый сверток тянулся вдоль пшеничного поля и редкой лесополосы, которая примерно в полутора километрах поворачивала и переходила в разделительную аллею между пшеничным и зеленым полями.

Справа метрах в пятидесяти язвами на земле смотрелись два не доведенных до ума окопа полного профиля и рядом с одним бугорок очень похожий на спешное захоронение. Все здесь было засыпано гильзами разного калибра. Часть прилегающего пшеничного поля выгорела, черная земля была изуродована воронками.

– Здесь круто повоевали, – Марат пнул гильзу.

– Да! Повоевали! – командир, глядя в бинокль перечислил, – два сгоревших танка и три каких-то бронемашин! Повоевали! Кто? С кем? Ладно! Вперед! Дойдем до деревьев и привал. За мной! – командир быстрым шагом двинулся по колее.

Устроились под самым раскидистым деревом. Оголодавшие парни достали провизию, а Алексей прилег и вооружился биноклем: – Половина домов сгорела полностью, некоторые еще дымят! И никакого движения! Странно! Куда стрелки убралась? Испарились что ли?

– Да черт с ними, командир, надо заправиться, а то скоро ноги не будем таскать в этом чертовом светлом будущем. Лови, – Гена бросил банку тушенки и пачку галет. Алексей ловко поймал то и другое, посмотрел на крышку банки, усмехнулся и сказал: – Произведено

20.02.1942. Срок годности до 20.02.1948. Шесть лет срок годности! А сейчас ей, значит, уже за восемьдесят лет!

– Ну, тогда верни, – с полным ртом и тоже с усмешкой ответил Гена.

– Ага, щас! – Алексей вскрыл банку ножом, присоединился к трапезе, что-то вспомнил, задрал форменную штанину, достал из-за голенища сапога найденный в подземелье нож, и между делом стал его рассматривать.

– У меня есть такой же! – Марат из-за голенища сапога тоже достал нож и пояснил, – в пустом доме, который я осматривал, целая коллекция холодного оружия, а этот нож я прихватил, потому что он точно такой же как твой, командир.

– Дай посмотри, – Алексей протянул руку и взял нож, – действительно, одинаковые! Это как же так? Да тут еще и гравировка!

– Да, гравировка арабской вязью, а на моём ноже еще и четко видны цифры, посмотри!

– Да, да и на моем есть! 7208! Странно! Вязь арабская, а цифры, если это дата, то указана она по старославянскому календарю. Это год, это год, – командир наморщил лоб, прикидывая в уме, – это, если не ошибаюсь, 1700 год. Это были времена, когда входили в силу «птенцы гнезда Петрова» – ставленники царя Петра. Ножи – то, похоже, подарочные.

Так, стоп! Некогда сейчас гадать и по временам скакать!

Быстро заметили тушенку, встали и командир скомандовал:

– Вперед! Идем до аллеи лесополосы! Она приведет нас к садам, а там определимся.

По аллеи лесополосе пригнувшись и с оружием наизготовку подобрались к огородам, за которыми начинались сады, сплошной полосой идущие вдоль домов. Было понятно, что огороды были возделаны, но потом брошены и, конечно, на таком солнце и при невыносимой жаре все посохло. Кусты картофеля торчали засохшими бодьями, клубничные грядки были покрыты распластавшимися высохшими листьями. Командир махнул рукой, приземлился и, обернувшись, тихо сказал: – Как говорил дядя Макс: «ползущий да обрящет мину, ползущий в воздух не взлетит», – и пополз по заросшей сорняками земле к ближайшему дымящему дому, к дому, от которого остались только кирпичные стены с отвалившейся от пожара штукатуркой. Это был второй дом от начала улицы. Первый был разрушен до основания.

Командир рукой показал Марату где занять место наблюдения, а Гене – следовать за ним. Прячась за домом осмотрелись. Картина была безрадостной: из всех домов поселка только пара домов избежала пожара, но все стекла были выбиты, а стены покоцаны пулями и осколками, заборы из штакетника местами выломаны, перекошены или сгорели. Метрах в семидесяти около одного из домов в тени раскидистого дерева лениво прохаживался туда-сюда боец с автоматом. Алексей вооружился биноклем, рассмотрел фигуру, повернулся к Гене и прошептал: – Тотенкопф жовто – блакитный, с-сука мертвоголовая! Пошли. – Командир с Геней вернулись к Марату: – Для тебя есть работа. Надо часового снять без шума и суеты. Его пост через четыре дома и около дома в ряду, что через дорогу. Ты первый. Вперед! – Тихо, по – кошачьи, прокрались к нужному дому. Все замерли. Марат с метательным ножом в руке долго принаравливался, выжидая удобный момент. Командир считал секунды, а в голове звучали слова дяди Макса о том, что некоторые люди способны чувствовать пристальное наблюдение за собой и это приводит их нервную систему в состояние тревожного возбуждения. Не надо бы! Но вот Марат пружинисто и бесшумно выпрыгнул из-за угла дома, замах, короткий свист летящего клинка, и часовой распластался на земле, дернулся и затих. Тут же Гена бесшумно бросился к следующему дому, обогнул его, тенью переметнулся через дорогу и пропал на задах охраняемого дома. Через минуту послышался окрик и сразу за ним условный свист. Алексей и Марат через дорогу рванули к дому. На крыльце, привалившись плечом и головой к балясинам перил сидел мертвец в камуфляжной форме. Из его горла под кадыком торчал нож. В мертвых пальцах левой руки, опущенной на доски крыльца тлела сигарета. Командир и Марат заскочили по ступенькам в дом, проскочили пустую кухню, залетели в большую комнату и увидели картину:

в углу комнаты, со связанными ногами и руками на полу, привалившись спиной к стене, сидел молодой парень, лицо которого можно было очень условно назвать лицом. Это была кровавая маска с фиолетовыми щелями заплывших от побоев глаз. Из большой разбитой родинки на левой скуле ниже уха сочилась и стекала дорожкой на шею кровь. Рядом со связанным стоял с поднятыми вверх руками и с автоматом на плече столбом вниз испуганный вояка. В двух шагах от него с автоматом наизготовку стоял Гена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.